
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

THE LAW ENFORCEMENT BY BODIES OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

УДК 340.8

DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(1).216-228

ОБОСНОВАННОСТЬ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ЗАПРЕТОВ, УСТАНОВЛЕННЫХ ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

С.М. Савушкин¹, А.А. Храмов²

¹ *Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Томск, Россия*

² *Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Новокузнецк, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

1 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать –

10 декабря 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2022 г.

Ключевые слова

Обязанности для осужденных, соблюдение, исполнение, запреты, исправление, предупреждение преступлений

Анализируются установленные в уголовно-исполнительном праве обязанности и запреты для осужденных к лишению свободы на предмет их соответствия цели исправления и предупреждения совершения новых преступлений (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Делается вывод, что не все из них вписываются в существующую концепцию исполнения наказания в виде лишения свободы, нарушая тем самым баланс между «карательным» и «исправительно-предупредительным» содержанием наказания. Указанное обстоятельство диктует необходимость дальнейшего совершенствования обязанностей и запретов для осужденных к лишению свободы с учетом постоянно меняющихся в обществе норм, правил и традиций человеческого общежития.

VALIDITY OF PROHIBITIONS AND OBLIGATIONS ESTABLISHED FOR CONVICTS TO IMPRISONMENT

Sergey M. Savushkin¹, Alexander A. Khramov²

¹ *Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penal Service of Russia, Tomsk, Russia*

² *Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia*

Article info

Received –

2020 September 1

Accepted –

2021 December 10

Available online –

2022 March 20

Keywords

Obligations for convicts to imprisonment, observance, execution, prohibitions, correction, prevention of crimes

The subject of the research. The research focuses on the legal prohibitions and obligations for convicts to imprisonment fixed in the norms of legislation and in subordinate regulatory legal acts adopted in accordance with it.

The purpose of the research is to confirm or refute the hypothesis that there is a current discrepancy between the content of the legal responsibilities of convicts and the goals of the penal enforcement such as rehabilitation and preventing of the commission of new crimes, their social essence and legal nature.

Methods of the research. The research uses retrospective analysis of legislation in the field of execution of criminal punishment in the form of imprisonment, as well as analysis and synthesis of legal literature and empirical research data. To confirm the conclusions of the research authors use sociological survey of 364 citizens and 221 employees of penal institutions located in the Siberian Federal District (the cities of Kemerovo, Novokuznetsk, Novosibirsk, Tomsk, Omsk) aged from 18 to 73 years.

The main results of the research and the scope of their application. On the basis of retrospective analysis of the norms of penal enforcement (formerly correctional labor) law, which establish the penitentiary duties of convicts, the goals and objectives of penal enforcement legal regulation, the results of an empirical study, it is concluded that some of the responsibilities (including prohibitions) of convicts in criminal enforcement law do not have a strict scientific explanation. Their establishment is dictated not only by the need to achieve

the purposes of convicts rehabilitation and preventing the commission of new crimes, but also to solve a number of other tasks that do not fit into the existing concept of the execution of punishment in the form of imprisonment and violate the balance between the "punitive" and "correctional-preventive" content of punishment. These include responsibilities that: are a relic of the Soviet socialist society; provide administrative, economic, managerial and other activities of penal institutions; unreasonably "seem" to be an effective way to rehabilitate convicts and prevent the commission of new crimes by both convicts and other persons.

Conclusions. The solution of the mentioned problems in the light of the development of penal enforcement policy in general and of its legislative form in particular is possible in several ways. The first one is that the legal responsibilities of the convicts to imprisonment should be reviewed (excluded, or the content should be changed), taking into account their real impact on the achievement of the goals established by law (or change the latter) and the constantly changing rules and traditions of the human society. The second one is to change the goals of the penal enforcement legislation to its current (and possibly future) norms. The third "middle ground" way consists in simultaneous changing of the goals of the penal enforcement legislation and of the legal responsibilities of convicts in the direction of expanding the dispositive principles of criminal enforcement legal regulation, excluding certain of their responsibilities and prohibitions and expanding their rights.

1. Введение

Определение правовых обязанностей и запретов для осужденных к лишению свободы, раскрытие их содержания и целей всегда представляли важную задачу не только для науки уголовно-исполнительного (ранее – исправительно-трудового) права и практики его применения, но и выполнения исправительными учреждениями всех стоящих перед ними общих и специфических задач (см., напр.: [1, с. 194–195; 2; 3, с. 119; 4, с. 30–31; 5, с. 17]). В соответствии с ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) РФ все нормы (или их доминирующее большинство) уголовно-исполнительного законодательства, в том числе устанавливающие изъятия и ограничения из общегражданского правового статуса осужденного, должны быть направлены на его исправление и предупреждение совершения им и иными лицами новых преступлений. Это означает, что наказание в виде лишения свободы должно быть организовано таким образом, чтобы освобожденный был подготовлен не только к правильному осуществлению своих прав, но и соблюдению принятых в обществе норм, правил и традиций.

На такой подход к исполнению лишения свободы нас ориентируют и международные акты. Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. (Правила Нельсона Манделы) устанавливают, что режим исправительного учреждения «должен стремиться сводить до минимума ту разницу между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которая ослабляет чувство ответственности заключенных или уважение их достоинства как человеческой личности» (п. 5). При этом реализация наказания строится на привитии осужденным желания подчиняться законам и обеспечивать свое существование после освобождения, а также помощи в приспособлении к новой жизни (п. 91)¹.

Аналогичную по содержанию рекомендацию в своем содержании имеют и Европейские пенитенциарные (тюремные) правила от 2006 г., указывающие, что налагаемые на осужденных к лишению свободы ограничения должны быть минимально необходимыми и соответствовать тем целям, в соответствии с которыми они налагались (п. 3). Порядок и условия отбывания наказания должны быть, насколько возможно, приближены к позитивным аспектам жизни в обществе (п. 5)².

¹ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 г., и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г. // Организация Объединенных

Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 10.08.2020).

² Рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы «Европейские пенитенциарные правила» // СПС «КонсультантПлюс».

Данные рекомендации должны учитываться российским законодательством (ст. 3 УИК РФ), но зачастую не просто игнорируются, а считаются чем-то противоречащим нашему законодательству. В.А. Уткин отмечает, что отдельные стереотипы настроенного к ним отношения до конца еще не преодолены. По его мнению, к числу наиболее часто встречающихся подобных стереотипов можно отнести следующие утверждения:

- международные стандарты нам «навязывают»;
- международные стандарты – это «далеко» и «не про нас»;
- международные стандарты слишком абстрактны;
- контроль за соблюдением международных стандартов – это вмешательство во внутренние дела России;
- международные стандарты относятся только к лишению свободы (вариант – только к западным тюрьмам);
- международные стандарты односторонни, они направлены только на защиту прав осужденных, игнорируя права сотрудников;
- для реализации международных стандартов нужно иметь много средств [6, с. 92].

С учетом сказанного очевидно, что нормы закона и принятых в соответствии с ним подзаконных актов в области исполнения наказаний должны создавать объективные и субъективные предпосылки для его нормальной жизни в обществе после освобождения путем формирования у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, стимулирования правопослушного поведения.

Скрупулезный анализ действующих уголовно-исполнительных норм позволяет сделать вывод, что многие обязанности и запреты для осужденных к лишению свободы «продиктованы» не столько целями уголовно-исполнительной деятельности, сколько необходимостью обеспечения иных аспектов дея-

тельности уголовно-исполнительной системы, ее учреждений и органов³. Для подтверждения данного положения, а также иных выводов исследования был проведен социологический опрос граждан, а также практических работников исправительных учреждений, расположенных в городах Сибирского федерального округа (далее – СФО), а именно в Новокузнецке, Томске, Новосибирске, Омске, Кемерове и др.⁴ Складывающееся при таком подходе противоречие между «идеальным осужденным» и «идеальным гражданином», которое давно уже стало общим местом в пенитенциарной науке [7, с. 75], не может не отразиться на эффективности реализации целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), о чем свидетельствует уровень постпенитенциарного рецидива, составляющий, по разным исследованиям, от 30 до 50 % (см., напр.: [8, с. 29; 9, с. 28]).

Изложенное выше свидетельствует о необходимости проведения специального исследования правовых запретов для осужденных к лишению свободы на основе анализа конкретных целей законодательства и их социальной сущности. Сразу оговоримся, в настоящей статье не ставится задача исследования каждого из запретов, а также освещения проблем их подзаконного регулирования [10; 11] и реализации в правоприменительной деятельности [12].

Представляется необходимым обозначить существующую проблему «целеполагания» норм уголовно-исполнительного права, устанавливающих запреты для рассматриваемой категории осужденных.

2. Проблема содержания обязанностей и запретов для осужденных к лишению свободы и их юридической классификации

Одним из первых к выводу о необходимости разграничения обязывающих и запрещающих норм в зависимости от своего содержания на карательные и некарательные еще в середине прошлого столетия пришел А.Л. Ременсон. Последние, по мнению автора, могут быть подразделены на обязанности: направленные на решение воспитательных задач

³ В данном случае речь идет именно об организационном, управленческом, хозяйственном и иных аспектах деятельности уголовно-исполнительной системы, а не об «уголовно-исполнительной деятельности» как таковой, составляющей предмет уголовно-исполнительного законодательства.

⁴ В исследовании приняли участие более 300 респондентов: 364 гражданина и 221 сотрудник уголовно-исполнительной системы, проходящий службу в исправительных колониях, дислоцированных в СФО. Возраст респондентов – от 18 до 73 лет. Средний возраст опрошенного из вы-

борки – 32 года. Допустимая погрешность составила 3 %. Использование в статье разделения респондентов на две категории: от 18 до 35 лет и от 35 и выше – обусловлено выделением Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» верхним пределом выделения категории молодежи. Нижний же предел выборки среди граждан повышен с 14 до 18 лет в целях повышения объективности ответов на поставленные вопросы, наличием у опрашиваемых поверхностных знаний о наказании в виде лишения свободы.

(например, обязанность учиться); направленные на обеспечение предотвращения совершения правонарушений (например, запрет хранения определенных предметов); обусловленные невозможностью в условиях лишения свободы реализовать в обычном порядке некоторые общегражданские права (например, обязанность работать по назначению администрации); возникающие в связи с применением мер дисциплинарной ответственности за правонарушение (например, водворение в штрафной изолятор, помещение камерного типа) [1, с. 204]. Схожей позиции придерживаются и другие ученые [13, с. 142]. Между тем, анализ установленных в нормах УИК РФ и принятых в соответствии с ним подзаконных нормативных правовых актов запретов для осужденных к лишению свободы на предмет их целеполагания и социальной сущности позволяет сделать вывод, что не все из них можно однозначно отнести к той или иной группе их классификации (либо вовсе отнести к ним).

Например, в соответствии с п. 16 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений⁵ осужденные мужчины не могут иметь длину волос на голове свыше 20 мм, на бороде – свыше 9 мм. Следует отметить, что ранее действующее законодательство конкретных ограничений на этот счет не имело, ограничиваясь установлением обязанности иметь «короткую» стрижку волос на голове, бороде и усах. Возникает вопрос: чем обосновывается установление такого запрета и каким образом его соблюдение обеспечивает достижение целей уголовно-исполнительного законодательства?

По мнению опрошенных из числа практических работников исправительных учреждений, в большинстве своем (87 %) они убеждены, что данный запрет установлен в целях гигиены и идентификации личности осужденного. В целом, соглашаясь с определенной логичностью данной позиции, вряд ли можно считать ее убедительной и обоснованной в контексте реализации требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, достижения цели исправления и предупреждения совершения новых преступлений. Во-первых, на сегодняшний день в обществе (по крайней мере, в российском) не существует правила или традиции носить короткую стрижку, что подтверждается полученными нами социологическими данными: 94 % лиц в возрасте от 18 до 35 лет и 88 % свыше 35 лет считают «нормальным» иметь любую

прическу, бороду и усы, поскольку это подчеркивает индивидуальность человека. Во-вторых, при таком подходе не поддается логике разрешение женщинам носить волосы любой длины. Получается, что мужчины не могут соблюдать гигиену, имея длинную прическу и бороду, а женщины – могут, первых сложнее идентифицировать, чем последних. Отсюда следует, что обоснованность данного запрета исходит из карательного содержания наказания, что представляется неверным. Достаточно обратиться к ч. 1 ст. 56 Уголовного кодекса РФ, чтобы убедиться, что лишение свободы заключается лишь в изоляции осужденного от общества, но никак не в ограничении его внешней индивидуализации. Представляется, что указанный запрет не влияет на формирование у осужденного уважительного отношения к нормам и правилам человеческого общежития (которые, наоборот, приветствуют индивидуализацию человека) и предупреждение преступлений, и не охватывается карательной составляющей наказания. В поддержку приведенных выводов следует обратиться к рекомендациям международных стандартов, которые не содержат таких ограничений для осужденных. Напротив, для того чтобы они могли «сохранять внешний вид, совместимый с их человеческим достоинством, им нужно **давать возможность заботиться** о своей прическе и бороде, **позволяя** (выделено нами. – С. С., А. Х.) мужчинам регулярно бриться» (п. 18 Правил Нельсона Манделлы).

Установление запрета на хранение отдельных вещей и предметов, продажу, покупку, дарение, отчуждение иным способом в пользу других осужденных находящихся в личном пользовании вещей и предметов, вывешивание фотографий, репродукций, открыток, вырезок из газет и журналов, предметов культа и иных предметов на стенах и кроватях, содержание животных и птиц, занятие огородничеством, разведение декоративных рыб, комнатных растений, изготовление спортивных снарядов, тренажеров, смену спального места, нанесение себе и другим лицам татуировок, хранение в прикроватных тумбочках альбома с фотографиями, телевизионного приемника, радиоприемника и личных вещей на рабочем месте, изготовление самодельных электрических приборов и пользование ими, обязанность здороваться при каждой встрече с администрацией исправительного учреждения и другими

⁵ Приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс».

лицами, посещающими исправительное учреждение, передвигаться по территории исправительного учреждения строем, запрет на вынос продуктов питания из столовой без разрешения администрации также вызывает критику с нашей стороны в контексте достижения целей уголовно-исполнительной деятельности⁶. Представляется, что их установление преследует (либо преследовало ранее) достижение иных целей и задач.

2.1. Обязанности и запреты осужденных к лишению свободы как пережиток советского общества

Ретроспективный анализ юридической литературы и законодательства позволяет сделать вывод о том, что некоторые из вышеуказанных обязанностей и запретов являются пережитком советского общества, неким «рудиментом» действующего законодательства. Их установление в большинстве случаев было продиктовано существовавшими в советском обществе правилами и традициями, часть из которых в настоящее время не приемлема обществом и государством либо имеет нейтральный оттенок.

Так, введенный Постановлением Совета Министров СССР «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных категорий преступников» в 1948 г. запрет на производство между осужденными каких-либо операции с принадлежащими им вещами: обмена, дарения, дачи займы, – по нашему мнению, был продиктован, во-первых, отменой в СССР частной торговли и признанием «нэпмана» эксплуататором, классовым врагом, запретом мелкой спекуляции, во-вторых, достижением очередного пика товарного дефицита в послевоенное время. При таком подходе установление запрета на любые сделки внутри исправительного учреждения действительно воспитывало у осужденного нетерпимость к аналогичным действиям и в обществе и стимулировало правопослушное поведение.

Укоренился указанный запрет расширением круга деяний, признаваемых хозяйственными преступлениями (спекуляцией) в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г., которые впоследствии были декриминализованы [14, с. 131]. Отсюда не совсем понятна логика правоприменителя в оставлении данного за-

прета после восстановления института частной собственности и товарно-денежных отношений, ведь обществом и государством не порицается, а наоборот, поощряется данная деятельность. Следовательно, оставление и развитие данного запрета имеет под собой цель лишения или ограничения его фактической возможности для совершения преступлений. Вместе с тем на вопрос, предупреждение каких преступлений несет под собой запрет передачи либо дарения другому осужденному продуктов питания либо вещей первой необходимости, никто из опрошенных респондентов из числа практических работников ответить однозначно не смог. Более того, 78 % из них не только не видят в этом ничего «противоправного», но и отмечают неофициально существующую практику передачи вещей от одного осужденного другому «с согласия администрации исправительного учреждения», что вполне логично и не противоречит международным стандартам в области исполнения уголовных наказаний. Отметим, что на существование подобной «латентной» диспозитивности в правовом регулировании уголовно-исполнительных отношений (где законом возможность не предусмотрена, однако это вытекает из его смысла, из реальных условий исполнения наказания и обобщенно используется в правоприменительной практике исправительных учреждений) еще в конце прошлого века справедливо обратил внимание Н.В. Киселев [15, с. 6–7]. Полностью соглашаясь с мнением автора о необходимости расширения диспозитивных начал в правовом регулировании исполнения наказания в виде лишения свободы, считаем, что в перспективе рассматриваемая обязанность либо должна быть полностью исключена из подзаконных актов, либо изменена с учетом существующей практики ее реализации⁷.

Другой пример – запрет на нанесение себе и другим лицам татуировок. Представляется, что установление данной нормы во всё том же 1948 г. и ее сохранение в последующих редакциях Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений было обусловлено необходимостью борьбы с «криминальной субкультурой», запрет на упоминание и распространение которой существовал в советском

⁶ В законе данные цели заявлены как цели уголовно-исполнительного законодательства, но нам представляется, что перед законодательством любой отрасли права стоят другие цели.

⁷ Анализ данных переписи осужденных показал, что данный запрет оказывает существенное влияние на развитие

уголовно-исполнительных правоотношений. Несмотря на ограничение количества получаемых посылок в зависимости от вида исправительного учреждения и условий отбывания наказания, 87 % осужденных данное ограничение на себе не ощущают, поскольку никогда не получали посылок за время отбывания наказания.

обществе [16, с. 7], а также профилактикой распространения ВИЧ-инфекции и иных заражений. В настоящее время тюремная субкультура также признана экстремистской и запрещена на территории России⁸, однако существующий при этом запрет на нанесение других татуировок нам не совсем понятен. Опрос показал, что на сегодняшний день в обществе не существует моральных норм и правил, которые бы запрещали наносить татуировки (за исключением нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещено федеральным законодательством). Более того, в ходе исследования выяснилось, что 79 % респондентов либо нейтрально относятся к нанесению татуировок, либо понимают и поддерживают данную деятельность по выражению своей индивидуальности. С учетом этого, на наш взгляд, целесообразно изменить существующий в уголовно-исполнительном праве запрет на нанесение любого рода татуировок, распространив запрет лишь на символику, аналогичную административному законодательству (ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Что касается запрета на вынос продуктов питания из столовой исправительного учреждения без разрешения администрации, то, на наш взгляд, его установление было продиктовано принятыми в советском обществе моральными правилами поведения, которые не приветствовали такую деятельность, а также необходимостью обеспечения санитарно-гигиенических требований в общежитии отряда (либо на рабочем месте). В настоящее время существование данного запрета нелогично в силу ряда обстоятельств. Во-первых, это несопоставимо с принятыми в обществе правилами и нормами (которые не запрещают это) и не влияет жизнь осужденного после его освобождения как законопо-

слушного гражданина, с чем согласны 84 % респондентов. Во-вторых, сами продукты питания, выносимые после приема пищи, являются собственностью осужденного, а значит, не могут быть отчуждены им в силу запрета администрации исправительного учреждения (ст. 35 Конституции РФ). В-третьих, установленный в середине прошлого века запрет был логически объясним отсутствием мест хранения данных продуктов в общежитии отряда, но в настоящее время законодательством созданы все возможные условия для этого (включая отдельное помещение, ячейку для хранения и холодильники)⁹. Наконец, складывается парадоксальная ситуация, при которой покупаемые в магазине (баре) продукты питания, в том числе требующие тепловой обработки, могут быть вынесены и храниться в общежитии, а еда из столовой – нет. Таким образом, указанный запрет не обусловлен целями уголовно-исполнительной деятельности и в перспективе, на наш взгляд, может быть исключен.

2.2. Обязанности и запреты для осужденных как способ обеспечения деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы

Отдельный интерес представляют обязанности и запреты, установление которых, на наш взгляд, обусловлено необходимостью обеспечения экономической, хозяйственной, управленческой и иной, не связанной с реализацией цели исправления и предупреждения совершения новых преступлений, деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. К первым, в частности, можно отнести запрет на использование электрокипятильника мощностью свыше 0.5 кВт¹⁰, ко вторым – запрет иметь при себе свыше 10 экземпляров книг и журналов, вмешиваться в работу сантехнического оборудования в камере штрафного изолятора, помещении камерного типа или едином помещении камерного типа¹¹, к третьим – обязанность передвигаться по территории исправительного учреждения строем,

⁸ Егоров И. Тюремные игры // Российская газета. 2020. 17 авг. URL: <https://rg.ru/2020/08/17/verhovnyj-sud-zapretil-dvizhenie-ae-v-rossii.html> (дата обращения: 20.08.2020).

⁹ Приказ ФСИН России от 27 июля 2006 г. № 512 «Об утверждении номенклатуры, норм обеспечения и сроков эксплуатации мебели, инвентаря, оборудования и предметов хозяйственного обихода (имущества) для учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Здесь, возможно, установление запрета продиктовано не столько экономическими затратами на электричество,

сколько требованиями пожарной безопасности. Однако, не совсем понятно в таком случае, почему в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы подозреваемым и обвиняемым разрешено по аналогии пользоваться электрокипятильниками мощностью не 0.5 кВт, а уже 0.6 кВт. Представляется, что дело далеко не в различии правового статуса между обвиняемыми и осужденными.

¹¹ В данном случае согласимся с С.Е. Майоровой, что установление данного запрета обусловлено сложностью создания для этого необходимых условий, но ведь такие условия, как справедливо отмечает автор, могут и быть

запрет менять спальное место без разрешения. Следует отметить, что такие «разнокалиберные» и «неясные» по содержанию обязанности и запреты находят свое отражение не только в отечественном законодательстве, но и в законодательстве ряда зарубежных стран (например, Молдовы, Эстонии и др.)¹². При этом в рекомендациях международных актов большинство указанных запретов отсутствует.

В то же время было бы нелепым отрицать, что в любом современном обществе именно базис определяет надстройку, которая не только его отражает и закрепляет, но и создает (или тормозит) нормативно-правовые условия его развития. Отсюда вполне логично, что любая государственная система, в том числе исполнения наказаний, преследует и экономический интерес. Но тогда необходимо изменять конечные цели уголовно-исполнительной деятельности, соответствующие его нормам. Отметим, что предложения по их изменению не являются «новеллой» в науке уголовно-исполнительного (ранее – исправительно-трудового) права, однако большая часть из них никак не объясняет существование упомянутых нами выше обязанностей осужденных к лишению свободы.

В этом плане следует отметить положения Научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса РФ, подготовленной в 2016 г. рабочей группой специалистов под руководством профессора В.И. Селиверстова (Модельный кодекс), которые содержат в ст. 2 в качестве целей законодательства «обеспечение» достижения закрепленных уголовным законом целей исправления, предупреждения преступлений и восстановления социальной справедливости. По мнению разработчиков, законодательство не может иметь под собой цель исправления осужденных, но оно должно своей регламентацией создать условия для достижения таких результатов [17, с. 43–44]. Отчасти, закрепление такого термина позволит отнести часть существующих обязанностей осужденных к лишению свободы к обеспечению его реализации, но не всех (собственно, как и расширение цели предупрежде-

ния преступлений до предупреждения любых правонарушений). Здесь нам видится решение обозначенной проблемы иным образом.

Первый и, наверное, самый простой способ – включить в ч. 1 ст. 1 УИК РФ цель «обеспечение деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания». При таком подходе почти все существующие (и, возможно, будущие) уголовно-исполнительные обязанности и запреты (даже не самые логичные), установленные для осужденных, будут вполне соответствовать обозначенной цели. К сожалению, при таком подходе на первое место может выйти «удобство» исполнения наказания, нивелируя истинные цели его назначения.

Второй, самый сложный, но необходимый – пересмотр обязанностей с учетом действующих в обществе правил и традиций, отношения самих осужденных к ним, влияния каждой из них на реальное достижение целей наказания. Причем проведение такого исследования невозможно без осмысления отдельных философских категорий и привлечения к данной работе общественности, что, по всей видимости, на протяжении последних десятилетий игнорировалось не только пенитенциарной системой при разработке проектов Правил внутреннего распорядка и их утверждении соответствующим министерством, но и отдельными учеными ведомственной науки¹³. «Можно сказать, – пишет Ф.А. Вестов, – что ныне наука действительно не видит реальных противопоказаний против того, чтобы “железной рукой загонять человечество к счастью” в виде гражданского общества и правового государства, используя при этом методы принуждения. Такое принуждение основывается не только на законах, но и на конкретных интересах политических субъектов, связанных с постоянно возникающими у них потребностями в решении самых разнообразных управленческих и организационных задач» [20, с. 96–97]. К сожалению, это относится и к уголовно-исполнительной системе. Тому наглядный пример – расширение перечня запрещенных предметов и веществ, который, как отмечает С.Е. Майорова, уточнялся по сте-

(конкретное исправительное учреждение может иметь для этого помещения) [13, с. 103].

¹² Устав отбывания наказания осужденными от 26 мая 2006 г. // Официальный монитор Республики Молдова. 2006. № 91–94. Ст. 676; Об исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества: закон Эстонской Республики от 14 июля 2000 г. // Кодексы Российской Федерации. М., 2001.

¹³ Например, с учетом целеполагания обязанностей осужденных представляется надуманной необходимость включения в перечень запрещенных предметов энергетических напитков (см., напр.: [18]); в установлении стрижки волосяной части головы для осужденных в воспитательных колониях не более 5 мм, для лиц женского пола – не более 100 мм, бритье подбородка, усов (см., напр.: [19]).

пени распространения тех или иных вещей и предметов, которые могут быть использованы в преступных целях [13, с. 63]. Однако с этим выводом можно согласиться лишь отчасти.

Так, вряд ли можно продукты питания, требующие тепловой обработки, продукты домашнего консервирования, лекарственные вещества, предметы медицинского назначения без медицинских показаний, копию диплома об образовании, свидетельство о регистрации брака, татуировочную машинку отнести к средствам совершения преступления. Их установление (за исключением хранения документов), по мнению самих практических работников, было обусловлено в большинстве своем обеспечением безопасности осужденных (например, чтобы не отравились, не заразились инфекцией и т. д.). Но при этом было бы нелепым считать, что наличие у осужденного зеленки или бинта либо возможность пожарить запрещенное сырое мясо на сковороде может повлиять на достижение цели его исправления или каким-то образом воздерживает его от преступления. Напротив, это «атрофирует» у осужденного способности самостоятельно оказывать себе и другим лицам первую медицинскую помощь, готовить пищу и осуществлять иную деятельность, без которой очень сложно жить в современном обществе. Соответственно, данные нормы противоречат сути одной из задач уголовно-исполнительной деятельности по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации (ч. 2 ст. 1 УИК РФ).

2.3. Обязанности и запреты для осужденных как «кажущийся» способ их исправления и предупреждения совершения новых преступлений

Наконец, следовало бы более тщательно проанализировать и те обязанности осужденных, которые, казалось бы, обоснованно установлены и действительно обеспечивают реализацию целей наказания. Особого внимания здесь заслуживает запрет на приобретение и пользование сотовыми телефонами, нарушение которого, по мнению большинства ученых, практиков, общественности имеет настолько большую общественную опасность, что следует ужесточить наказание за данное деяние. Однако, на наш взгляд, и здесь не всё так однозначно.

Согласно официальной статистике МВД, ежегодно около 1–2 % всех мошеннических преступлений с помощью телефонов совершаются заключенными¹⁴. Если учесть, что под заключенными понимаются не только осужденные, но и подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся под стражей, процент совершаемых именно осужденными преступлениями в данной сфере еще меньше. Исследуя в общем виде уровень таких преступлений на 100 тыс. чел., можно сделать вывод, что в местах лишения свободы он действительно в 2–3 раза выше, чем в обществе¹⁵. Однако это вовсе не означает, что разрешение использовать сотовые телефоны осужденным в десятки (а то и в сотни) раз увеличит уровень преступности. Здесь, на наш взгляд, проблема кроется не столько в «криминальной зараженности» осужденных, сколько в их трудовой занятости. Принимая во внимание тот факт, что процент привлечения осужденных к оплачиваемому труду по состоянию на 2020 г. должен был составить всего 30,2 %¹⁶, вряд ли можно отрицать влияние рассматриваемого фактора на совершение телефонных мошенничеств. Помимо прочего, как отмечается в средствах массовой информации, заключенные с помощью мобильных «оказывают давление на свидетелей и координируют действия находящихся на свободе членов ОПГ», в том числе и в экстремистских целях. Однако в большинстве случаев речь здесь идет о подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых установление запрета на телефон вполне объяснимо и отвечает целям избрания соответствующей меры пресечения (ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Представляется, что в действительности цели использования сотовых телефонов осужденными не имеют настолько «негативный» характер, как это заявляется в средствах массовой информации и отдельных научных исследованиях. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты проведенного НИИ ФСИН России исследования, согласно которым 90 % всех незаконных телефонных звонков, совершаемых осужденными с использованием сотовых телефонов, носят бытовой характер (звонки родственникам и близким) [21, с. 749–750]. Нарушению данного за-

¹⁴ Хейфец К. Абонент временно несвободен. Депутаты внесли законопроект о блокировке сотовой связи в тюрьмах // Коммерсантъ. 2020. 10 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4215494> (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁵ Продолжая начинания «борцов» с сотовыми телефонами осужденных под предлогом их преступной деятельности, представляется актуальным запрет сотовых телефо-

нов тогда и для всех граждан страны. Однако более разумным нами видится именно борьба с преступностью, а не со средствами совершения преступлений.

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»» // СПС «КонсультантПлюс».

прета, как справедливо отмечается в юридической литературе, способствуют не только ограничения количества звонков, длительности и времени совершения, но и их завышенная стоимость, превышающая в 5–7 раз тарифный план почти любого оператора сотовой связи России, хотя некоторые ученые утверждают обратное. Так, по мнению С. М. Колотушкина, тариф проводной телефонии в учреждениях уголовно-исполнительной системы России в несколько раз ниже, чем по каналам сотовой связи, что вряд ли соответствует действительности [22]¹⁷.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что установление в подзаконных нормативных правовых актах запрета на хранение и использование сотового телефона осужденными не имеет под собой строгого научного объяснения, нарушает баланс между «карой» и «исправительно-предупредительным воздействием» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Вопреки популистскому среди практических работников [23, с. 79; 24, с. 56] и общественности¹⁸ мнению относительно опасности использования сотовых телефонов мы считаем, что в свете либерализации законодательства в области исполнения наказаний следует пересмотреть отношение к данному вопросу, учитывая, в первую очередь, данные специальных криминологических исследований в данной области. Возможно, «не так страшен черт, как его малюют».

Не вызывает сомнения у практических работников влияние на исправление осужденных и установление обязанности здороваться при встрече с сотрудниками и другими лицами, обращаясь на «Вы». В литературе справедливо отмечается, что такое традиционное обращение подчеркивает вежливое и уважительное отношение к человеку, устанавливает определенные границы в общении [25, с. 54]. Однако, вряд ли можно согласиться с тем, что следует здороваться при каждой встрече с одним и тем же лицом в короткий промежуток времени (например, несколько раз в час). Данный вывод подтверждается результатами социологического исследования: 94 % опрошенных из числа граждан не считают «нормальным» и «принятым в обществе» приветствие несколько раз в день с одним и тем же человеком. Схожей позиции придержи-

ваются и сами работники исправительных учреждений. На наш взгляд, в ближайшем будущем данная обязанность должна быть изменена с учетом меняющихся в обществе норм этики.

3. Выводы

С учетом сказанного можно сделать вывод, что часть действующих норм уголовно-исполнительного права, устанавливающих обязанности и запреты для осужденных к лишению свободы, не имеет строгого научного обоснования. Как показало проведенное нами исследование, установление новых и пролонгация ранее действующих уголовно-исполнительных обязанностей и запретов продиктовано не только необходимостью достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в виде исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, но и решения ряда других задач, не вписывающихся в существующую концепцию исполнения наказания в виде лишения свободы. К таковым можно отнести необходимость обеспечения экономической, хозяйственной, управленческой и иной, не связанной с реализацией цели исправления и предупреждения совершения новых преступлений, деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания (например, ограничение количества книг, запрет использования кипятильника мощностью свыше 0,5 кВт, хождение строем и др.). В особую группу следует выделить обязанности и запреты, являющиеся «пережитком» советского общества, соблюдение правил и традиций которого в настоящее время либо вовсе не поддерживается обществом и государством, либо имеет нейтральный оттенок (например, запрет на вынос продуктов питания из столовой без разрешения администрации, запрет на дарение, передачу вещей, находящихся в личном пользовании, и др.). Наличие в нормах уголовно-исполнительного права указанного рода обязанностей, на наш взгляд, нарушает баланс не только между «карательным» и «исправительно-предупредительным» содержанием наказания, но и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которой ограничения могут устанавливаться только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ

¹⁷ Не выясняя стоимость тарифа проводной связи, можно отметить, что 1 минута телефонного звонка из исправительного учреждения на сегодняшний день обходится осужденному в 2,5–3,5 руб. (см.: Zonatelecom: офиц. сайт. URL: <https://www.zonatelecom.ru/services/mobile/mobileapp> (дата обращения: 30.07.2020)), а у операторов сотовой связи имеются тарифы, где одна минута обо-

дится дешевле 0,5 руб. (см., напр.: МТС: офиц. сайт. URL: https://omsk.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/tarifi/vse-tarifi/ves_mts_super_itv (дата обращения: 30.07.2020)).

¹⁸ См., напр.: Петров И. Подсудный гаджет // Российская газета. 2019. 16 дек. URL: <https://rg.ru/2019/12/16/zaperedachu-mobilnikov-za-reshetku-vvedut-ugolovnuu-otvetstvennost.html> (дата обращения: 30.07.2020).

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Представляется, что в свете развития уголовно-исполнительной политики в целом и ее законодательной формы в частности решение данной проблемы возможно несколькими путями.

Первый заключается в пересмотре правовых обязанностей осужденных к лишению свободы с учетом их реального влияния на достижение целей исправления и предупреждения совершения новых преступлений и постоянно меняющихся правил и традиций человеческого общежития, при этом не меняя цели уголовно-исполнительного законодательства¹⁹. Второй – в изменении целей уголовно-исполнительного законодательства под его действующие (и, возможно, будущие) нормы. Таковыми могут стать «обеспечение исправления осужденных», «обеспечение деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания», «обеспечение безопасности осужденных, персонала и иных лиц»,

«обеспечение предупреждения совершения преступлений и иных правонарушений как осужденными, так и иными лицами». Очевидно, что при реализации лишь одного из обозначенных подходов невозможно эффективно реализовать наказание в силу перекоса «кары», «удобства исполнения наказания учреждениями» или «ослабления». Видимо, здесь всё же необходима «золотая середина». В свете разработки доктринального проекта новой редакции Особенной части УИК РФ [27] авторским коллективом под руководством профессора В.И. Селиверстова ей может стать одновременное изменение целей уголовно-исполнительного законодательства (на обозначенные нами выше) и пенитенциарных обязанностей осужденных в сторону расширения диспозитивных начал уголовно-исполнительного правового регулирования (например, разрешив передавать вещи, наносить татуировки, менять спальное место, устанавливать радиоприемники на рабочем месте с согласия (либо уведомления) администрации и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ременсон А. Л. О правовых обязанностях заключенных / А. Л. Ременсон // Труды Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева. – 1966. – Т. 183. – С. 193–204.
2. Майорова С. Е. Роль запретов в формировании у осужденных перспективных линий поведения в процессе исправления / С. Е. Майорова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 12, ч. 6. – С. 131–134.
3. Южанин В. Е. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания в виде лишения свободы и средства ее реализации : моногр. / В. Е. Южанин, Э. В. Жидков. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 240 с.
4. Селивёрстов В. И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность / В. И. Селивёрстов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 30–37.
5. Уткин В. А. Уголовно-исполнительное право : учеб.-метод. комплекс / В. А. Уткин. – 4-е изд., испр. и доп. – Томск, 2015. – 120 с.
6. Уткин В. А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия / В. А. Уткин // Уголовная юстиция. – 2016. – № 2 (8). – С. 89–96. – DOI: 10.17223/23088451/8/14.
7. Уткин В. А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность / В. А. Уткин // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1 (3). – С. 75–80.
8. Некрасов А. П. Цель исправления и предупреждения преступлений как основные положения уголовно-исполнительного кодекса РФ: современный взгляд и перспектива / А. П. Некрасов // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 1 (32). – С. 28–30.
9. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив : моногр. / В. В. Городнянская. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 168 с.

¹⁹ Результатом таких изменений могут стать действия со стороны осужденных и иных лиц, являющиеся, по словам В.И. Селиверстова, своеобразной «клоунадой» и дезорганизующие нормальное функционирование деятельности исправительного учреждения. К таковым, например,

можно отнести получение десятков посылок и передач в день на одного адресата, заведение каждым осужденным нескольких собак, представляющих опасность, хранение нескольких тысяч (сотен тысяч) книг в комнате хранения личных вещей и т. п. (см., напр.: [26, с. 16]).

10. Уткин В. А. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под общ. ред. В. А. Уткина. – Томск : Том. ИПКР ФСИН России, 2018. – Ч. 1. – С. 13–20.
11. Маликова Н. Б. Проблемы систематизации уголовно-исполнительного законодательства / Н. Б. Маликова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 2 (117). – С. 41–44.
12. Стрелков Д. О. О некоторых проблемах применения положений приказа Минюста России от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» / Д. О. Стрелков // Юридическая наука и практика : альм. науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России. – Самара : Самар. юрид. ин-та ФСИН России, 2017. – Вып. 5, ч. 2. – С. 119–121.
13. Майорова С. Е. Запреты при исполнении наказаний в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук / С. Е. Майорова. – Н. Новгород, 2018. – 188 с.
14. Бугаев В. А. Социальная природа и генезис уголовной ответственности за незаконное предпринимательство / В. А. Бугаев, Ф. М. Аблязова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67), № 1. – С. 130–133.
15. Киселев Н. В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Киселев. – Томск, 1998. – 22 с.
16. Тищенко Н. В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре / Н. В. Тищенко. – Саратов : Наука, 2012. – 184 с.
17. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. – М. : Юриспруденция, 2017. – 320 с.
18. Артамонов Г. В. Некоторые пути совершенствования правил внутреннего распорядка исправительных учреждений / Г. В. Артамонов // Правоприменительная деятельность: история и современность : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти доц. М. В. Геворкяна. – Псков : Псков. гос. ун-т, 2017. – С. 288–294.
19. Кимачев А. Н. Отдельные вопросы организации режима воспитательных колоний в правилах внутреннего распорядка / А. Н. Кимачев // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 3 (32). – С. 27–34.
20. Вестов Ф. А. Политика формирования правового государства: противоречия и перспективы / Ф. А. Вестов ; под ред. Н. И. Шестова. – Саратов, 2012. – 220 с.
21. Горовой В. В. Метод борьбы с незаконным использованием сотовых телефонов в исправительных учреждениях Российской Федерации / В. В. Горовой // Синергия Наук. – 2018. – № 28. – С. 748–752.
22. Колотушкин С. М. Телефонная связь как фактор в процессе ресоциализации осужденных: современные проблемы и пути решения / С. М. Колотушкин // Вопросы современной науки и практики. – 2019. – № 1. – С. 28–30.
23. Кудрявцев А. В. Об использовании специальных знаний при выявлении мошенничеств, совершенных осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы с использованием средств сотовой связи / А. В. Кудрявцев, И. В. Крюков // Ученые записки. – 2017. – № 4 (24). – С. 79–81.
24. Верцинский Д. В. Сотовая связь в исправительных учреждениях – достижение прогресса или зло? / Д. В. Верцинский // Законность. – 2015. – № 7 (969). – С. 54–56.
25. Кимачев А. Н. Актуальные проблемы правовой регламентации внутреннего распорядка воспитательных колоний / А. Н. Кимачев, Д. В. Горбань // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 52–58.
26. Селиверстов В. И. Проблема определения веса почтовых посылок и передач осужденным к лишению свободы / В. И. Селиверстов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 15–21.
27. Селиверстов В. И. Научно-теоретическая модель общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: новеллы и перспективы / В. И. Селиверстов // Международный пенитенциарный журнал. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 41–46.

REFERENCES

1. Remenson A.L. On the legal obligations of prisoners. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V.V. Kuibysheva*, 1966, vol. 183, pp. 193–204. (In Russ.).
2. Majorova S.E. The role of prohibitions in the formation of promising lines of behavior among convicts in the process of correction. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*, 2016, no. 12, pt. 6, pp. 131–134. (In Russ.).
3. Yuzhanin V.E., Zhidkov E.V. *Private crime prevention as the purpose of applying criminal punishment in the form of deprivation of liberty and means of its implementation*, Monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 240 p. (In Russ.).
4. Selivyorstov V.I. Correction of the goal of criminal punishment in the form of imprisonment: myth or reality. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2017, no. 2 (45), pp. 30–37. (In Russ.).
5. Utkin V.A. *Criminal Enforcement Law, Training and methodology complex*, 4th ed. Tomsk, 2015. 120 p. (In Russ.).
6. Utkin V.A. International standards of penal activity and stereotypes of their perception. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2016, no. 2 (8), pp. 89–96. DOI: 10.17223/23088451/8/14. (In Russ.).
7. Utkin V.A. Resocialization of persons released from punishment: past and present. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2014, no. 1 (3), pp. 75–80. (In Russ.).
8. Nekrasov A.P. The purpose of correction and prevention of crimes as the basic provisions of the Criminal-Executive Code of the Russian Federation: the contemporary view and perspective. *Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University*, 2018, no. 1 (32), pp. 28–30. (In Russ.).
9. Gorodnyanskaya V.V. *Post-penitentiary relapse*, Monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 168 p. (In Russ.).
10. Utkin V.A. Legal status of convicts: legislative and by-law regulation, in: Utkin V.A. (ed.) *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo*, proceedings of all-Russian scientific and practical conference, in 2 parts, Tomsk, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penal Service of Russia Publ., 2018, pt. 1, pp. 13–20. (In Russ.).
11. Malikova N.B. Problems of systematization of penal enforcement legislation. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy*, 2012, no. 2 (117), pp. 41–44. (In Russ.).
12. Strelkov D.O. On some problems of applying the provisions of the Order of the Ministry of Justice of Russia dated 16.12.2016 no. 295 «On Approving the Rules of Internal Regulations of Correctional Institutions», in: *Yuridicheskaya nauka i praktika*, almanac of scientific works of the Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2017, pp. 119–121. (In Russ.).
13. Mayorova S.E. *Prohibitions in the execution of sentences in the form of imprisonment*, Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2018. 188 p. (In Russ.).
14. Bugaev V.A., Abyazova F.M. The social nature and genesis of criminal liability for illegal business. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 130–133. (In Russ.).
15. Kiselev N.V. *Dispositive principles of legal regulation of the execution of criminal punishment in the form of imprisonment*, Cand. Diss. Thesis. Tomsk, 1998. 22 p. (In Russ.).
16. Tishchenko N.V. *Interpretation of prison subculture in Russian art culture*. Saratov, Nauka Publ., 2012. 184 p. (In Russ.).
17. Seliverstov V.I. *General part of the new Penal Enforcement Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2017. 320 p. (In Russ.).
18. Artamonov G.V. Some ways to improve the rules of internal regulations of correctional institutions, in: *Pravoprimenitel'naya deyatel'nost': istoriya i sovremennost'*, proceedings of International scientific conference, dedicated to the memory of Associate Professor M.V. Gevorkyan, Pskov, Pskov State University Publ., 2017, pp. 288–294. (In Russ.).

19. Kimachev A.N. Specific issues of the regime of educational colonies in the internal rules. *Vestnik Kuzbasskogo institute = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no. 3 (32), pp. 27–34. (In Russ.).
20. Vestov F.A. *Policy of the formation of the rule of law: contradictions and prospects*, ed. by N.I. Shestov. Saratov, 2012. 220 p. (In Russ.).
21. Gorovoy V.V. The method of dealing with the illegal use of cell phones in correctional institutions of the Russian Federation. *Sinergiya Nauk = Synergy of Science*, 2018, no. 28, pp. 748–752. (In Russ.).
22. Kolotushkin S.M. Telephone communication as a factor in the process of re-socialization of convicts: modern problems and solutions. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki*, 2019, no. 1, pp. 28–30. (In Russ.).
23. Kudryavtsev A.V., Kryukov I.V. On the use of special knowledge in the detection of frauds committed by convicts in the institutions of the penal system with the use of cellular communications. *Uchenye zapiski*, 2017, no. 4 (24), pp. 79–81. (In Russ.).
24. Vertsinskii D.V. Cellular Correctional Services – Progress or Evil? *Zakonnost'*, 2015, no. 7 (969), pp. 54–56. (In Russ.).
25. Kimachev A.N., Gorban D.V. Topical problems of legal regulation of the internal regulations of educational colonies. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2019, vol. 27, no. 1, pp. 52–58. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.052-058. (In Russ.).
26. Seliverstov V.I. The problem of determining the weight of postal parcels and transfers to convicts. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Lus Publicum et Privatum*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 15–21. (In Russ.).
27. Seliverstov V.I. Scientific-theoretical model of the general part of the Penal Code of the Russian Federation: short stories and prospects. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International penitentiary journal*, 2017, vol. 3, no. 1, pp. 41–46. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Савушкин Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний России
634057, Россия, г. Томск, ул. Говорова, 10
E-mail: savusertom@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 9055-3777; AuthorID: 826616

Храмов Александр Александрович – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49
E-mail: Khramov_alexandr@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 6116-3666; AuthorID: 1055215

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Савушкин С.М. Обоснованность обязанностей и запретов, установленных для осужденных к лишению свободы / С.М. Савушкин, А.А. Храмов // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 216–228. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).216-228.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey M. Savushkin – PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head
Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penal Service of Russia
10, Govorova ul., Tomsk, 634057, Russia
E-mail: savusertom@rambler.ru
RSCI SPIN-code: 9055-3777; AuthorID: 826616

Alexander A. Khramov – Lecturer, Department of Penal Enforcement Law and Criminology
Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia
49, Oktyabr'skii pr., Novokuznetsk, 654066, Russia
E-mail: Khramov_alexandr@mail.ru
RSCI SPIN-code: 6116-3666; AuthorID: 1055215

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Savushkin S.M., Khramov A.A. Validity of prohibitions and obligations established for convicts to imprisonment. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 216–228. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).216-228. (In Russ.).